

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

БОРИСА ГРИГОРОВА КОЦЕВА от 16.XI-44г.

Я, Борис ГРИГОРОВ КОЦЕВ, болгарин, православный, грамотный, 40 лет, уроженец г.Самокова, проживающий в Софии, женатый, имею двоих детей, не судился:

Дополнительно даю следующие показания: как сообщил уже раньше - с конца месяца ноября 1942 года по июнь месяц 1944 г. я был директором Дирекции национальной пропаганды. В июле месяце 1943 года пришел в Дирекцию пропаганды секретарь германской миссии Борман и сказал мне следующее: в г.Винница в России /Украина/ были произведены германскими войсками раскопки массовых могил людей, убитых большевиками. Сообщения об этом, кажется, мне, тогда уже появились в иностранной печати и проникли в нашу печать. Он сообщил мне, что с германской стороны делегации из представителей разных общественных кругов всех европейских стран приглашались посетить Винницу и видеть эти раскопки. Он сказал мне, что такие делегации приглашают и из Болгарии. Предвиделись делегации 4 видов. Одна из экспертов - судебных врачей, которые должны были сделать официальные констатации и составить соответствующий протокол, вторая - из журналистов, третья - из высших духовных лиц и четвертая - из некоторых общественных и должностных лиц. Он сказал мне, что для первой они

хотели пригласить профессора - доктора МОСКОВА, но он не мог, или был болен, или отказал им, хорошо не помню, но во всяком случае он не выезжал, ввиду чего предстоял отъезд другого врача, которого я не знал, но, кажется, это был врач МИХАЙЛОВ. В журналистскую группу хотели пригласить или пригласили Бориса Димитрова из Дирекции печати, в группу Духовенства хотели пригласить или пригласили Врачанского Митрополита Паисия, Пловдивского митрополита Кирилла и еще двух других духовников. Впоследствии тот же самый Борман мне сказал, что оба эти владыки не могли выехать, потому что в это самое время должен был заседать святой Синод, поэтому вместо них пригласили архимандритов Николая, Иосифа и Стефана. Он сказал мне, что в четвертую группу приглашаются председатель болгаро-германского общества в Софии профессор Ал. Станишев, главный директор здравоохранения доктор Балканский, председатель болгарского Союза врачей доктор КОЙЧЕВ и я. Я сказал БОРМАНУ, что я не могу дать ему ответа, так как я чиновник - я должен доложить министру и поступить согласно его /министра/ распоряжению. В то время министром - руководителем Дирекции пропаганды был Габровский. Я докладывал министру, но он не дал своего немедленного распоряжения, а сказал мне, что будет говорить с Министром - президентом и тогда распорядится. На другой день или спустя два ^{дня} министр /Габровский/ меня вызвал и сказал мне, что я должен поехать. В то же самое время я видел в Министерстве доктора Балканского, который так же был вызван Министром, для сообщения ему распоряжения об отъезде, и мы оба выразили свое недовольство

тем, что нам дано такое распоряжение, так как мы оба чувствовали, что дело касается области международных отношений, а мы, как по положению, так и по служебным обязанностям, не в состоянии были ими заниматься. Когда, затем, БОРМАН пришел за ответом я ему сказал, что мне дано распоряжение и я поеду. Он определил день отъезда. Остальные группы уже выехали и предстоял отъезд только последней - нашей группы из 4 человек. Но, так как в самолете имелось только два места, а двое должны были выехать поездом, он меня спросил, как я желаю ехать. Я ответил, что предпочитаю ехать самолетом. Таким образом доктор Балканский и доктор Кочев выехали поездом за несколько дней до нашего отъезда, а мы оба с профессором Станишевым самолетом - это было в середине или во второй половине июля месяца 1943 года. Мы прибыли в Берлин к вечеру. На аэродроме нас встретил некий ГАУКЕ - секретарь германо-болгарского общества в Берлине и профессор Яранов, атташе по вопросам культуры в нашей миссии. Они нам сказали, что мы поедem в гостиницу помыться и отсюда следует ^{пойти} прямо на ужин, организованный германским Министерством здравоохранения в честь доктора Балканского, прибывшего раньше нас. Мы пошли на ужин, на котором председательствовало лицо, которое, как я понял, было главным секретарем здравоохранения или его заместителем. Там я застал и болгарского полномочного министра Сл.Загорова, а также и д-ра Балканского и д-ра Кочева. Присутствовало также еще

несколько немцев. На ужине выступал тот главный секретарь, имя которого я не могу припомнить, а ответил полномочный министр Сл. Загоров, так как доктор Балканский, в честь которого был устроен ужин, не говорил по-немецки. Говорил ^{исб.} насколько я понял, так как я тоже слабо говорю по-немецки, весьма общие вещи о германо-болгарской дружбе. Насчет цели нашей поездки, однако, поскольку я припоминаю, ничего не говорилось. К концу ужина пришел молодой человек в национал-социалистической форме, представился как доктор Вегнер и сел за стол. Он попросил, затем, слово, встал и начал говорить. Он объяснил, что является представителем министерства по управлению оккупированных восточных областей, что как раз это министерство нас пригласило посетить Винницу, что он лично является шефом санитарной службы при этом министерстве, и что на него возложена организация этого посещения представителями европейских стран, что он выезжает вместе с делегациями из Берлина, сопровождает их в Винницу и обратно в Берлин. Он сказал, что мы выедем из Берлина в Винницу через два-три дня, когда у него будет самолет для этой цели. После этого он говорил о раскопках в Виннице и множестве вынутых трупов, количество которых наверное достигнет 10000 человек из местного населения, убитых большевиками. Позже, где бы мы ни сели, хотя бы даже позавтракать, этот человек вставал и повторял все ту же, заученную речь. Он меньше говорил по-немецки, а больше для нас болгар на русском языке. Впоследствии я узнал от него, что он является сыном некоего профессора-медика, проживавшего долгие годы

годы в России, и что он сам вырос в России.

Таким образом мы провели несколько дней в Берлине. За это время доктор Штеег - городской голова Берлина, который был председателем германо-болгарского общества в Берлине, организовал для нас обед, посвященный по существу профессору Станишеву - председателю германо-болгарского общества в Софии. На этом обеде выступал доктор Штеег, а ему ответил профессор Станишев. Насколько я помню, обе речи были на общую тему германо-болгарской дружбы. В частности, профессор Станишев, который учился в Германии, вспоминал о студенческом времени и о врачебной работе в Германии и в частности о Мюнхене, где он он был студентом. На этот обед прибыли с небольшим опозданием трое архимандритов - Николай, Стефан и Иосиф. Мы поняли, что они уже возвращаются из Винницы. Затем после выступлений ШТЕЕГ и СТАНИШЕВА встал архимандрит Николай и произнес речь на немецком языке, сказав, что они возвращаются из Винницы, что они видели трупы жестоко убитых людей, что они вернутся и поделятся в Болгарии своими впечатлениями. Он говорил, что-то и насчет христианства и о церкви, но подробностей я не могу вспомнить. Во время нашего пребывания в Берлине мы были также приглашены на ужин профессором Гунке - директором отдела Министерства пропаганды и профессором Сакс - директором отдела Министерства Иностранных дел - первый происходил в небольшом ресторане, а второй в клубе иностранных журналистов, но оба эти ужина были скромными - с очень небольшим количеством людей и на них не было выступлений. Организовал обед в миссии и наш полномочный министр. На нем присутствовали, кроме нас

четырёх; ещё и лица, которые нас приглашали на обед и на ужины, а также и некоторые чиновники, германского Министерства иностранных дел. Днём мы были свободны и гуляли по берлинским улицам.

Нам сообщили, когда выедем, и утром нас отвезли на аэродром, где мы довольно долго ожидали самолет. Вместе с нами ожидали самолет трое или четверо лиц из Дании. Мне кажется в II часов мы вылетели - четверо нас, датчане, вышеупомянутый доктор Вегнер и секретарь германского Министерства иностранных дел, говоривший по-русски и, как я понял, выходец из Балтики. После семичасового полета мы к вечеру прибыли в Винницу. Там нас устроили ночевать в здании, превращенном в германский местный клуб. В этот вечер за ужином доктор Вегнер снова произнес свою заученную речь. Выступил также и управляющий области; выступил и один русский, пожилой человек, которого нам представили в качестве городского головы. Из его довольно длинной и довольно запутанной речи я понял и запомнил, что в России раньше имелось очень много церквей, и что большевики большую их часть разрушили и оставили очень мало. Присутствовали мы и датчане, и необходимо было ответить на приветственные выступления. Я посмотрел в сторону профессора Станишева, который единственный из нас четырех знал хорошо немецкий язык. Но он сделал мне знак, чтобы я ответил. Хозяева уже смотрели в ожидании ответа и я, слабо говорящий по-немецки, встал, извинился, что хорошо ^{не} владею немецким языком и смог составить только две три фразы, которыми

благодарил от имени нас-четырех болгар за гостеприимство и внимание, оказанное нам, и сказал, что то, что мы завтра увидим здесь в Виннице, мы расскажем нашим соответственникам, когда вернемся в Болгарию. Затем встал один из датчан и сказал, что-то по-немецки.

На другое утро нас отвели на самое место раскопок. Это было недалеко от города в двух отдельных местах. Там мы увидели несколько глубоких ям, из подрытых до этого трупов, которые уже были похоронены, и рылись также новые ямы, из которых то же вынимались трупы. Трупы были сильно разложившимися и смешанными с грязью, таким образом, что еле можно было узнать в них человеческие трупы. Двое германских врачей чистили трупы или их остатки. Они чистили главным образом черепа, чтобы показать присутствующим по две или три дыры от пуль в затылке. Лично я не врач и не могу констатировать и утверждать ни какова давность трупов, ни от чего дыры в черепах. Германские врачи утверждали, что давность трупов приблизительно от 1938-1939 года и что дыры в черепах от мелко-калиберного пистолета. Пока мы были там, было вынуто в общем 30-40 трупов. Вокруг толкались люди из местного населения. Производило впечатление то, что некоторые женщины, ходили вокруг трупов и плакали. Их плач, однако, был несколько профессиональным и ^уменя сложилось впечатление, что они нарочно поставлены немцами, чтобы усиливать впечатление у посетителей - иностранцев. Отсюда нас отвезли в город, в одну комнату /кажется в муниципалитете/, где был устроен музей из вещей, обнаруженных в одежде трупов. Затем нас

отвели в гостиницу /клуб/, а отсюда на аэродром. Мы вылетели на самолете приблизительно в обед и к вечеру были в Берлине. Нас сопровождали те же самые лица. Во время поездки доктор ВЕГНЕР внушал нам, что когда мы вернемся в свою страну, следует все виденное довести до сведения широких слоев народа. На аэродроме в Берлине, доктор Вегнер распрощался с нами, и мы его больше не видели. Других официальных лиц я вообще не видел. В гостиницу нам прислали билеты для обратной поездки и мы выехали по-рознь. Профессор СТАНИШЕВ выехал в Мюнхен, чтобы увидеть своего сына, учащегося там, и оттуда поехал самолетом в Болгарию через Вену, а мы трое выехали в Болгарию поездом. Но, так как в одном поезде не было трех свободных спальных мест, то доктор Балканский и доктор КОЧЕВ, выехали с первым поездом, а я со следующим.

В то же время в Софию прибыл новый германский советник по культурным вопросам при Миссии, доктор Гарбен. Он немедленно посетил меня и предложил мне, в связи с моей поездкой в Винницу, написать ряд статей, написать брошюру выступить по радио и сделать несколько докладов. После этого он же посещал меня еще несколько раз и настаивал на выполнении вышеуказанного. Я отвечал ему, что должен переговорить с министром, что сам я не могу ничего делать, а буду ждать распоряжения, и таким образом я откладывал осуществление его предложения. В то ^{же} самое время я получил приглашение на ужин в германскую миссию; я не знал по какому случаю устраивается ужин, и кто будет присутствовать. Когда я пришел на ужин, то увидел исключительно

42

всех тех лиц, которые ездили в Винницу. Там были: профессор СТАНИШЕВ, доктор Балканский, доктор КОЙЧЕВ, Борис Димитров и доктор Михайлов, которого я в первый и последний раз видел там, познакомившись с ним там. Не могу вспомнить точно, присутствовали ли там некоторые из духовных лиц. Мне кажется, что там был один из них, архимандрит Николай, но я не совсем уверен в этом и если буду утверждать о присутствии их, то рискую обмануть. С германской стороны присутствовал, полномочный Министр Бекерле, его жена, советник доктор Гарбен, секретарь Борман, не могу вспомнить присутствовал ли кто еще. На ужине ничего не говорилось о Виннице. После ужина полно^{но}чный министр Бекерле, намекнул мне вскользь, что я должен кое что сделать для широкого освещения всего того, что я видел в Виннице. Я пробормотал что-то на моем немецком языке, в том смысле, что ожидаю распоряжение Министра. Доктор Гарбен снова использовал эту нашу встречу, чтобы настоять на том, что он требовал от меня при первой встрече: статьи, брошюры, выступление по радио доклады и т.д. Через несколько дней меня вызвал министр /Габровский/ и сказал мне, что если я не хочу делать другого, то должен, хотя бы на еженедельной встрече с журналистами, рассказать о виданном в Виннице. Это я сделал, тем более, что сами журналисты меня засыпали уже вопросами. При своем рассказе я постарался не делать заключения, кем сделаны эти убийства, вопреки тому, что германцы настаивали подчеркнуть в статьях, брошюрах и докладах, требуемых от меня, что убийства сделаны большевиками, органами ГПУ или органами Народного Комиссариата

Внутренних Дел. То, что я рассказал журналистам, было опубликовано на другой же день в газетах. Это было в первой половине августа месяца 1943 года. Считаю, что было передано все точно. Они поставили произвольно только заголовки, не получив их от меня. Каждому из присутствовавших делегатов в Виннице, была вручена папка с материалами: план местности и могил, описание убийств, готовые статьи, рассказы родственников убитых, копия протокола Чрезвычайной Международной Комиссии Судебных врачей и множество фото-снимков. Эти материалы были предназначены для широкого использования в собственных странах. Я после возвращения свою папку спрятал в своем столе в Дирекции, не используя из нее ничего и ничего не дав печати и может быть она находится еще там, если не исчезла во время бомбардировок или переселений. Я не знаю, заставляли ли кого-нибудь из ездивших в Винницу делать что-нибудь, и делал ли он, что-либо для оглашения виденного в Виннице. Я знаю только, что было опубликовано кое-что профессором СТАНИШЕВЫМ в газете "Политика", но было ли это заявлением или статьей, не могу вспомнить. Насколько помню, это было в сентябре 1943 года. Об остальных ничего не знаю. Протокола официальной Чрезвычайной Комиссии не видел. Наверное его привез врач-эксперт, доктор МИХАЙЛОВ. Куда он был передан не знаю. Он не проходил через мои руки. Предполагаю, что он был передан в Министерство Иностранных Дел, но это только одно предположение. Был ли он опубликован, и если был опубликован, то

кто распорядился об этом, тоже не знаю. Немцы были явно недовольны, потому что и после моих заявлений перед журналистами, снова д-р Гарбен посетил меня и настаивал сделать что-либо большее.

Написал собственноручно: /подпись/ - Б.КОЦЕВ.

Дополнительно даю показания: Когда мы были на месте раскопок кто-то, - должно быть это был какой-то радиореporter, поставил передо мной микрофон с требованием мне, кажется, сообщить в Берлин, что мы находимся на месте. В связи с тем, что я не владею хорошо немецким языком, как указал выше, и не мог немедленно сделать этого, я написал на клочке бумаги фразу, для того, чтобы попросить профессора СТАНИШЕВА написать ее правильно по-немецки. Она состояла из двух-трех строчек, и, поскольку могу вспомнить, ее содержание было следующим: "Мы, четверо болгар находимся в настоящий момент в Виннице на месте раскопок и чувствуем ужас картины, раскрывшейся перед нами".

Написал собственноручно: /подпись - Б.КОЦЕВ/.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯБориса ГРИГОРОВА КОЦЕВА от 16.XI-44 года

Я, Борис ГРИГОРОВ КОЦЕВ, 40 лет, болгарин, православный, грамотный, уроженец г. Самокова, проживающий в Софии, женатый, имею двоих детей, несудимый.

Дополнительно показываю: В 1938, 1939 и 1940 годах я был адвокатом в Софии. Моя адвокатская работа шла не очень хорошо, доходы мои были крайне незначительны и мне с трудом удавалось обеспечить свою семью. Тогда я наметил некоторым моим друзьям, что я поступил бы на какую-либо государственную службу, если бы получил назначение. Мой друг и коллега по университету доктор Ангел Ангелов был главным секретарем Министерства Внутренних дел и он мне сказал, что попытается кое-что устроить. Однажды, в январе 1941 года он меня вызвал в Министерство и представил меня Министру П. ГАБРОВСКОМУ, после чего вышел. Министр сказал мне, что доктор Ангелов говорил ему, а также из другого места он слышал хорошие отзывы обо мне, поэтому решил предложить мне пост в ведомстве Министерства Внутренних дел. Он мне сказал, что должность областного директора в Старо-Загора будет вакантной и предложил мне эту должность. Он мне сказал, что не имеет значения к какой партии я принадлежал в прошлом /я принадлежал к демократической партии - МАЛИНОВА-МУШАНОВА/, потому что управление беспартийное и будут назначаться люди всех партий.

Предложенный мне большой пост явился для меня неожиданностью и я проявил колебание. Я попросил предоставить мне время подумать. Он мне дал трехдневный срок, после чего, явился и дал согласие. Таким образом, 5-го февраля 1941 года я уехал в г.Стара Загора и вступил на должность. В г.Стара Загора и в области я был впервые. Я не знал ни одного из городов, кроме Казанлыка, где однажды я был на экскурсии, как ученик из Габрово. В начале я занялся посещением городов и некоторых сел, для ознакомления с административными должностными лицами и с нуждами населения. К концу Февраля месяца мне сообщили из Министерства Внутренних дел, что проездом через область будет Министр, и я должен встретить его в Казанлыке, куда прибыл также областной директор Бургаса - Антон КОЗАРОВ. Министр прибыл и сообщил нам, что он выехал для встречи с областными директорами, чтобы сообщить им о проезде через Болгарию германских войск. Болгарское правительство должно было согласиться, под нажимом германского правительства, пропустить их войска, но оно не думает заключать союз с ними и Болгария не будет присоединяться к тройственному пакту. Они должны были прибыть не как враги, но и не как союзники. По возвращении в г.Стара Загора я сообщил это, некоторым должностным лицам, и некоторым гражданам. 1 марта, однако, было сообщено о присоединении Болгарии к тройственному пакту, что меня очень удивило, а так же, поскольку опровергало мои слова, скомпрометировало меня перед лицами, которым я сообщил информацию, полученную от Министра. Для меня по сей день остается загадкой,

почему в течение нескольких дней произошел этот поворот.

Изучая свою службу я одновременно старался быть более полезным в удовлетворении нужд населения. Строительство школ и общественных зданий, забота о санитарии, помощь бедноте, поддержание семей мобилизованных, обработка полей мобилизованных, помощь пострадавшим от градобития и наводнения, снабжение семенами для посева, пропитание непродовольственного населения, снабжение области продовольствием, - таковы были мои основные заботы. Может быть я ошибаюсь, но тешу себя мыслью, что я завоевал себе среди населения имя гуманного и отзывчивого администратора. Во всяком случае само население лучше и объективнее может сказать об этом.

После 22 июня 1941 года, т.е. после объявления войны между Германией и Россией из Министерства Внутренних дел начали поступать распоряжения о повышении бдительности со стороны органов власти, чтобы не допустить смуты и беспорядков. Тут я должен отметить, однако, что полицейские распоряжения и мероприятия поступали и проводились только полицейским путем, чаще всего за спиной административных органов. Когда директором полиции был Драголов, напрягавший все усилия на полное отделение полиции от администрации, для превращения первой в совершенно независимую от второй и самостоятельную в своих действиях. Так, например, директор полиции давал распоряжения по полицейским вопросам областным полицейским начальникам, последние районным полицейским начальникам и снизу по инстанции докладывалось без уве-

домления районных управителей и областных директоров. Районные полицейские начальники не только не докладывали районным управителям, но не осведомляли их также о своей работе, а областной полицейский начальник делал то же самое в отношении областного директора. Районные управители жаловались мне, а я жаловался Министру, я знаю, что и остальные коллеги - областные директора жаловались и протестовали перед Министром, но он не принимал никаких мер. У меня создалось впечатление, что это делается по его внушению, или по меньшей мере он согласен с этим положением, и поэтому терпит его. Он все обещал, что даст приказ или издаст правила, ясно определяющие взаимоотношения между администрацией и полицией, но пока я был областным директором он этого не сделал. Было ли это им сделано потом, мне неизвестно.

Согласно параграфу 124 закона о полиции, областной директор по докладу полиции подписывает приказ о водворении на новое местожительство лиц за пьянство, азартные игры, лиц наносящих побои и хулиганов, водворение на новое место жительства нищих и бездельников, а ^{ссылка} за политические преступления, т.е. лиц опасных с точки зрения государственной безопасности и распространителей вредных слухов, производилась приказом Министра то же по докладу полиции. В эту категорию лиц кроме политически опасных лиц попадали также спекулянты, как опасные для общественного спокойствия элементы. Так продолжалось довольно длительное время на протяжении моей службы. Одно время Министр приказом переложил эти права на областных директоров. Тогда областной полицейский начальник, после дозна-

ния начал представлять мне аргументированный доклад, в котором требовал водворения на новое местожительство отдельных лиц. Я не все доклады одобрял и не по всем докладам ~~указывал~~ издавал приказы. По тем делам, по которым я издавал приказ, я обыкновенно, уменьшал срок, требуемый областным полицейским начальником. Он, обыкновенно, требовал максимального шестимесячного срока, а я издавал приказ на два или три месяца. За время всей моей службы, я должно быть издал таких приказов, о водворении на новое местожительство, приблизительно для 80-100 лиц. В этом числе были, как коммунисты, так и последователи других партий. В это число я не включаю лиц, водворенных за спекуляцию. Наведенная в архивах Дирекции справка, установила бы точное их количество. Я повторяю, что это было водворение на новое местожительство из одного населенного места в другое. А водворение /ссылка/ в лагеря областным директором не производилось и не проходило через него. Оно проводилось по докладу полиции, директором полиции или Министерским советом - не знаю точно и поэтому не могу дать никаких сведений. Так было за мое время. Я не знаю было ли это затем изменено.

В том же приказе, в котором были переложены права о водворении, или в другом приказе - не могу хорошо припомнить - Министр переложил на областного директора так же и свои права по закону о надзоре над обществами и об "единениях", об исключении из состава правлений коопераций и др. об "единений".

Полиция производила дознания и составляла свои донесения. Областной инспектор по общественным делам, ведающий также и службой об обществах, изучал их и проверял иногда на месте, после чего докладывал, а областной директор подписывал приказ об исключении. И в этих делах об исключениях я не одобрял все доклады. За все время своей службы, я издал приказы об устранении из разных правлений всего 15-20 лиц. Справка, наведенная в архивах дирекции, и в этом случае дала бы точную цифру.

Однажды на протяжении моей службы произошло изменение параграфа 20 закона о защите государства, целью которого было увольнять с государственной и коммунальной службы лиц с коммунистическими убеждениями. По этому случаю Министерский Совет издал категорическое постановление, а отдельные министры издали чрезвычайно строгие циркуляры, требующие от подведомственных органов представления по инстанции тех лиц из среды подведомственных им, которые подлежали увольнению по параграфу 20. Предупреждалось, что начальствующие лица, не представившие подлежащих к увольнению, сами будут уволены по параграфу 20. Областные директора должны были давать сведения о районных управляющих и городских головах. Я представил к увольнению старосту села Студена, Свиленградско. Точно не могу вспомнить его фамилии, кажется, он назывался Петров. О нем мне был представлен подробный и чрезвычайно разоблачающий его доклад от Свиленградского районного управляющего. Самым важным было подробное сообщение из штаба 8 дивизии, расположенной в том же селе. К этому

сообщению был приложен доклад органов военной разведки, в котором сообщалось, что этот староста вел коммунистическую агитацию, что он умышленно саботировал военные власти, настраивал население против них и т.д. В сообщении содержалась угроза, что вопрос о нем будет передан в военное и Внутреннее Министерства. Все эти бумаги находятся в личном деле этого старосты. При наличии этих данных я не мог поступить иначе - представил старосту к увольнению и он был уволен. Я не считал объективным и не пропустил ряда других требований и сообщений о других должностных лицах. Так, например, районный управляющий, и начальник гарнизона, и народный представитель чрезвычайно настаивал и на увольнении городского головы города Нова-Загора Петко Чолакова. Сообщалось, что он был коммунист, в свое время стажировал и был последователем вождя коммунистов в том крае Петко Стоева, что он участвовал в сентябрьских событиях и т.д. Однако, у меня было убеждение, что он теперь не проявляет себя как коммунист, что он является хорошим городским головой и на основе моего положительного доклада о нем, он остался на службе. Подобный случай был также и с городским головой Казанлыка Иваном П. Дмитриевым, которого обвиняли, что он член партии "Звено" и проводник политики г. профессора Петко Стайнова. На счет него из министерства непрерывно меня запрашивали и упрекали, но я вопреки всему защитил его и он остался на службе. Таков был случай также с районным управляющим в Старой Загоре Слави Дановым, о котором сообщалось, что он член партии левых земледельцев /пладненец/. Я его также защитил и он остался на службе.

За время моей службы в области, насколько я помню, не было так называемых конспираций и процессов, связанных с ними, за исключением одного случая, о котором скажу ниже. Впрочем эти процессы не проходили и не могли проходить через меня. Ими занимались прокурор и полиция, а областной директор не имел никакого отношения к ним. Единственный случай, о котором я знаю, это раскрытие полицией каких-то групп комсомольцев среди учеников Чирпанской гимназии. При процессе, однако, все обвиняемые, кажется, были оправданы.

За время моей службы не было партизанского /повстанческого/ движения в области. К концу моей службы полиция сообщала, что появились нелегальные - в общем количестве 20-25 человек по всей области. На двух местах - где то в Стара-Загорском районе 5-6 человек и в Чирпанском 17-18 человек. Последние были скорее в Пловдивской области, где-то на границе между Чирпанским и Пловдивском районах. Полиция прилагала все усилия, чтобы захватить их, но ей это не удавалось ;иногда ей помогала армия, но пока я был на службе ,кажется, не могли даже войти в соприкосновение с ними, не говоря об их захвате.

Пока я был на службе, нас вызывали ежемесячно на конференции в Министерство. На этих конференциях председательствовал Министр Внутренних Дел и участвовали областные директора, главный секретарь и все директора министерства. На этих конференциях в начале докладывали областные директора, в основном, по двум вопросам: о политическом состоянии области и хозяйственном и продовольственном ее состоянии. Министр требовал докладывать ему по первому

вопросу о поведении и проявлениях коммунистов, членов других партий, а также легионеров и ратников. Каждый раз министр спрашивал, какова наша оценка: существует опасность массовой коммунистической революции. Все были того мнения, что нет такой опасности, потому что, когда я был на службе не было еще повстанческого движения или оно было в своем зародыше. На этих конференциях рассматривались также и другие служебные вопросы - персональные, о назначениях и увольнениях районных управляющих, городских голов и сборщиков налогов, вопросы о цензах и т. д., а также и то, каким образом население воспринимает различные правительственные распоряжения и мероприятия, и о случаях недовольства ими. После этого министр давал инструкции по всем вопросам, причем по политическим вопросам он давал распоряжения о повышении бдительности, о недопущении массовых революционных проявлений коммунистов. Иногда эти конференции руководились министром торговли, и тогда рассматривались исключительно вопросы о продовольствии, о питании населения и реквизиции.

Довольно часто, Министр вместе с директором полиции без нас созывал конференцию областных полицейских начальников. Там наверное подробно рассматривались полицейские вопросы и мероприятия, но нас областных директоров не только не приглашали на эти конференции, но даже не информировали о вопросах, обсуждаемых на них.

В октябре 1942 года Министр меня вызвал и сказал мне, что предвидятся изменения в администрации, которые

коснуться и меня. Он мне сообщил, что существует проект перевести меня областным директором в Битоля. Я его попросил не делать, если возможно, этого, указав ему, что я чувствую, что не буду полезен на этом посту, я заявил, что у меня нет никаких связей в македонских кругах и считаю, что там меня не встретят хорошо. Кроме того, разные македонские организации выступают против меня, потому что они наверное захотят, чтобы областной директор был выходцем из их среды. Само же население, как я слышал, уважает пожилых управляющих и наверное я не буду иметь доверия. Кроме того, я должен буду расстаться со своей семьей, так как у меня маленькие дети, и я не мог бы их взять с собой. Я ему изложил все это и сказал, что при данном положении, я готов подать в отставку. Он мне возразил, что об отставке не может быть речи, так как мы все служащие Министерства Внутренних дел, являемся граждански мобилизованными и теперь, когда ни один городской голова или районный управляющий не освобождается по собственному желанию, ни один городской голова или районный управляющий, меньше всего областной директор, не может быть освобожден. Он мне сказал, что все же вопрос еще окончательно не решен, и он подумает. По возвращении в Старо-Загора я отправил ему письмо, в котором просил его не перемещать меня в Битоля. Если нужно освободить место Стара-Загора, я его просил освободить меня от службы или перевести на другую службу в Софию, чтобы вернуться домой. Впоследствии я понял, что он хотел любой ценой освободить место в Старо-Загора для своего личного приятеля Владислава Златева, которого и назначил после меня. После некоторого времени он снова вызвал меня в Софию и предложил мне назначение директора

национальной пропаганды. Каким образом я принял эту службу и о своей деятельности на этой службе я дал сведения в предыдущих своих показаниях.

Написал собственноручно: /подпись - Б.КОЦЕВ/.

Верно с оригинала, председатель 3 Верховного
Состава Народного Суда - СОФИЯ.

подпись /Б.ЛОЗАНОВ/

Министерство юстиции удостоверяет, что, положенная на обратной стороне подпись, Главного Прокурора Верховного Кассационного Суда Бориса Лозанова - председателя 3-го Верховного Состава Народного Суда София, является его собственноручной подписью.

/печать/ София 21 марта 1946 года.

Начальник Гражданского отделения подпись
/Бор. Добров/

Министерство Иностранных Дел и Вероисповедания удостоверяет подлинность вышеназванных подписей и печати Министерства юстиции.

София, 21 марта 1946 года.

Секретарь Консульского отдела/ подпись не разборчива/.

/Печать/

Драгоман-Кассир /подпись не разборчива/.

/печать/ Настоящий документ легализован в Консульском отделе Миссии Союза ССР - Болгарии.

гор. София - 21 марта 1946 г.

№ 135 /подпись не разборчива/

Настоящая папка содержит 21 /двадцать один/ лист.

/печать/

Начальник Уголовного Отдела
При Министерстве юстиции /ст. Станев/ подпись.

Перевела Благоева С.Д.

